

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

А жизнь была
совсем хорошая

Москва
2024

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 А жизнь была совсем хорошая / Мария
Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-097221-0

Иван и Ольга привыкли довольствоваться малым, жили просто и честно.

Но такая жизнь оказалась не по нраву их дочерям. Иван не мог понять, где ошибся, что сделал не так, почему его девочки пошли по кривой дороге. В семейной трагедии он винил только себя. Что ж, кто виноват, тому и отвечать. И Иван принял решение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-097221-0

бездонные. И льняные локоны выются по плечам — такая вот красота. Мать, конечно, локоны эти непослушные в тугую косу... Но на висках и на нежной шейке плетут они свои соблазны, плетут.

А Валюшка — чернявая, в Ольгу. Волос тяжелый, густой. Цыганский такой волос. И глаза цыганские — без дна. Посмотришь, и страшно становится, не по себе. Точно в омут заглянул. И брови богатые, шелковые. Не иначе как табор мимо Ольгиной деревни проходил.

Девки — погодки. Дружные, хотя всякое случается. Но жить друг без друга не могут — как ни крути. Погавкаются, потявкаются, поворчат, матери пожалуются — а через полчаса снова вместе. Шушукаются.

Квартира у Кутеповых большая. Огромная даже. Мечтать о такой разве что в сладких снах... И это после всех мытарств, общежития, бараков, холодных и продувных. А что, заслужили! Через долгих тринадцать лет получили Кутеповы свои хоромы. И никто, между прочим, не возражал. Ни одного слова! Все на собрании Ивана Кутепова поддержали: кому, как не ему. Передовик, стахановец. Непьющий и некурящий. В семье лад, жена отличная, тоже не из последних на стройке. Девульки подрастают — славные такие! Отличницы. Да и намаялись они по полной. Все прошли — безденежье, трудный быт. Потому и заслужили — трудом праведным и таким же поведением. Уважали Ивана на стройке. И даже парторгом выбрали — тоже, кстати, единогласно. Главный инженер

Крюков так и сказал: «Ты, Кутепов, у нас человек безупречный». А слова эти дорогого стоят. Всей жизнью надо такие слова заслужить.

Иван подкрутил радио и открыл холодильник. Красота! Расстаралась любимая Олюшка. «Умница моя», — довольно подумал он. А как же иначе? Вечером гости придут, друзья, родня. Соловьевы, Путилкины, Кротовы. Это — коллеги, так сказать. А из родни Курочкины нагрянут. А их человек шесть. Родня неблизкая, но все же. В холодильнике плотно, рядком, стояли судки с холодцом, миски с салатами, разделанная селедочка с зеленым лучком, фарш на котлеты. А на широком подоконнике, на больших тарелках, прикрытые белоснежными вафельными полотенцами, выпекают крутыми боками пироги — с мясом, капустой и яблоками — к чаю.

На кухню, позевывая, вышла Олюшка.

— Вань, — упрекнула она, — ну что ты, ей-богу! Орет с утра, не приведи господи. Пусть девчонки поспят.

— Нечего, — обрубил Иван. — Спать будут ночью. А сегодня — праздник. Красный день календаря! Пусть поднимаются и собираются побыстрому. — Он кивнул на часы: — Полседьмого уже! А в семь надо выйти.

— Опоздаешь, — покачала головой жена, — вот прям опоздаешь! — И принялась накрывать на стол.

— Не опоздаю, — возразил Иван, — потому что опаздывать не имею права — я в голо-

ве колонны. Как я могу? — продолжал возмущаться он.

Ольга ничего не ответила — а что, прав. К тому же спорить с мужем она не любила. Ни к чему. Только уж в самых крайних случаях. А так... Не на спорах семья держится, а на добром мире и согласии. Это она давно усвоила. Да и характер был у нее хороший. Покорный. И мужа она уважала — да и к чему собачиться? Кому от этого хорошо?

Иван Кутепов, глава дружной семьи, распахнул без церемоний дверь в комнату дочек и громко гаркнул:

— Подъем! Подъем, лентяйки! А то... — И безжалостно распахнул настежь окно.

Девчонки поежились — утренний первомайский ветерок явно не напоминал жаркое лето — и натянули на носы одеяла.

За завтраком крепко сбитая Маруся вовсю уплетала яичницу с бутербродами, а тощая Валюшка брезгливо ковырялась в тарелке.

— Ешь давай! — прикрикнула на нее мать. — Ишь, разбирается!

Валюшка скривила гримасу и отодвинула тарелку — наелась.

— Вон, — с усмешкой кивнула на сестру, — эта... Скоро будет как бомба.

Маруся показала язык:

— Пока толстый усохнет, худой сдохнет.

И тут же получила подзатыльник от отца. Справедливо.

Нарядились — Ольга в новом платье в цветочек и новом плаще, Иван в парадном костюме

и при галстукe, и девчонки в обновах — светлые туфельки, красные пальтишки. На головах — белые банты. Одним словом — красота!

Вышли из метро, увидели своих и влились в колонну. Зашагали бодро и весело. Из репродукторов рвалась музыка, развевались красные флаги. Люди несли знамена и транспаранты. В руках у детей пестрели бумажные цветы невообразимой красоты и размеров — еле удержишь. Кутеповы шли рядом, плечом к плечу — молодые, стройные, нарядные. И счастливые. Очень счастливые! А такое не придумаешь и не сыграешь — такое видно невооруженным глазом. В смысле — радость и истинное счастье. Счастье честного, порядочного, трудящегося человека.

После демонстрации отправились напрямик домой. Проголодались и слегка промерзли — не лето на дворе, а только начало весны.

Уселись за богато накрытый стол и подняли первую рюмку. За Первомай, разумеется! Остальное — потом.

* * *

Иван Кутепов приехал в столицу в шестидесятых из далекого приволжского села. Приехал один, и было ему так тоскливо и одиноко! Отпустили его неохотно — да и понятно: старший сын, основная надежда. После него еще две сестры, проку с них... Только рвался Иван в Москву — не удержишь! Ни на комбайн, как батя, садиться не хотел, ни в агрономы. Сельский человек — до мозга костей, а рвался в город, на стройку. Мать, жен-

щина суровая, долго молчала и на сына обижалась. Невесту ему нашла — соседскую Нюру. А он на эту Нюру и смотреть не хотел — не нравилась. Совсем не нравилась. И в коровник не хотел, и в огород. Нет, родину свою малую он любил — куда ж без этого? И лес любил, и рыбалку на зорьке. И речку тихую, мелкую, в синюю рябь. А в город тянуло. Да так, что с родителями поругался, собрался да и уехал. Написал, правда, сразу, как в столицу шумную прибыл. Подробный отчет. Потом ничего, сгладилось — после первого отпуска. Привез подарков родне, матери платок и отрез, бате рубашку китайскую в клетку. Сестрам конфет и духов.

Смирилась родня — а куда деваться? А что рвалось материнское сердце... Да кому до этого дело?

Первую койку дали в общеаге на краю света. В комнате шесть человек. Все свои, деревенские. Все хотят не просто заработать — хотят в столице остаться. Чтобы сделаться москвичами. А это не трудно, но не быстро — сначала прописка временная, на пять лет. А потом — постоянная. И еще положено жилье — комната в общежитии или, если повезет, — в коммуналке. А это уж совсем свое!

В общежитии было весело и мирно — приходили со смены и падали на кровать как убитые. Не до пьянок по будням и не до гулянок. А в воскресенье уже могли и расслабиться — девчонки жарили готовые котлеты, доставали квашеную капусту, присланную деревенской родней, и накрывали столы. Кто-то играл на баяне, пели песни и тан-

цевали — нелепый иностранный городской фокстрот и знакомый всем деревенским вальс. Там он и встретил Олечку Сидорову, которая и стала его первой и самой большой в жизни любовью. И кстати, единственной и навсегда.

Потом была семейная комнатуха в той же холодной общаге, потом восьмиметровка в коммуналке в Люберцах, а уж потом, когда родились девчонки, управление выделило хоромы на Ленинском.

Ух, как же они были счастливы тогда! Когда впервые зашли в эту светлую, огромную по их представлениям, сказку. Две комнаты — отдельные! Окнами на проспект. Кухня восемь метров. Ванная и туалет. А прихожка! Распахнули блестящие от свежей краски рамы, и ворвался в комнату ветер — свободы, счастья и молодости! Приезжала погостить мамаша — батя к тому времени помер. Ходила по квартире и качала головой — удивлялась всему. Белоснежной раковине, кухонной мойке, горячей воде, бегущей из сверкающего крана. Унитаз трогала руками, паркет. У окна замирала — дух захватывало. Такая красота! Машины шуршат шинами, огни... Напротив гастроном. А там! Никогда она такого добра не видела! И сколько! Что в деревенском магазине? Масло разливное, конфеты-подушечки в сахаре, макароны серые — и то праздник.

Ольга покупала свекрови торт «Сказка» и снимала цукаты — ешьте, мама! Такого дома не будет. И окорок покупала — «Тамбовский». Мать жир с краев — на черный хлеб, а розовое, со слезой,

мясо — девчонкам, внучкам. «Сало мне знакомее», — говорила.

Все от себя отрывала — всю жизнь. А когда совсем разболелась — от возраста, — Иван хотел ее навсегда забрать: здесь медицина, врачи. А мать отказалась. «Ты, — говорила снохе, — самая хорошая, лучше не бывает. А все равно — сноха. Не хочу быть у тебя приживалкой. Буду жить при родной дочери. Та хоть и стерва и рядом с тобой — никто, а все же дочь. Если прикрикнет и заругает, я не обижусь. А на тебя зло затаю». И уехала. Мудрая была, хоть и неграмотная. А сыну сказала: «Прав был, что уехал от черной работы. Хоть и здесь папешь, зато жизнь видишь. В кинотеатры ходишь, в Парк культуры. А в деревне — только труд и водка. Все. Никакого просвета. Вот и батя сгорел — молодой. Пятьдесят пять — разве возраст?»

Обжились понемногу. Холодильник купили, люстры, ковер. Потом и на мебель собрали — зарабатывали хорошо оба. Девчонки в яслях выросли, слава богу, крепенькие были, сопли подхватят, носом пошмыгают, а группу не пропускают.

В санатории были. В Крыму и в Подмосковье. По Волге плавали на теплоходе. В Ленинград съездили — самим посмотреть и девчонкам показать. За грибами ездили, зимой на лыжах. Коньки девчонкам купили — фигурные. Те в ЖЭКе занимались, с тренером. Фигуристки! А ничего пируэты крутили! Иван с Ольгой стояли за заборчиком и диву давались. По субботам — в кино. Там в буфет — газировка, пирожные. Красота, а не жизнь!

И такую вот красоту построил Иван Кутепов. Своими крепкими рабочими руками. Не только дома у него выходили. Все остальное — тоже дай бог! Дай бог, чтобы и у другого хорошего человека — хоть кусочек такого счастья. Хоть граммулечку! И еще — когда по радио звучала замечательная песня «Я люблю тебя, жизнь», у Ивана Кутепова слезы на глазах закипали — искренние слезы счастливого человека. Потому что он и вправду очень любил эту прекрасную, честную и счастливую жизнь. Всей своей чистой и справедливой, щедрой и открытой русской душой.

И с женой, Ольгуней, тоже было как в сказке. Даже неловко порой от такого счастья — неловко отчего-то и... чуть-чуть страшновато.

Ни в чем Ольгуня не перечила, потому что доверяла мужу. Ценила его и уважала. Со всем соглашалась: «Да, Вань, как скажешь!» «Да, Ванюша, ты прав». Не спорила и в бутылку не лезла. И дом вела замечательно — пекла, варила, закатывала. И матью оказалась прекрасной — строгой и справедливой. Нежная была женщина. Вкусная, ох! Ничего не пропало с годами — только сильнее стало. Как прижимался ночью к родному телу, так сердце и замирало, и дух перехватывало.

Такие дела. Впрочем, Иван Кутепов твердо знал: живи честно, чтобы не стыдно было перед людьми. Трудись с полной отдачей. Уважай и цени друзей. Не зарывайся. Не делай плохого другому. Будь верен жене, вкладывай свою правду в детей. И самое важное — личным примером! Вот это

и есть основа. Не станет плохим человеком твое дитя, если будет расти в любви, верности и порядочности. И еще — в труде.

Выпили за праздник, за рабочий класс, за партию. Потом — тост за женщин — как без него! Наелись, попели, повели разговоры — за жизнь, разумеется. Женщины принялись убирать со стола, мужчины ослабили галстуки и закурили. Вера Кротова, Ольгина подружка и жена Ванино-го друга, вытирала тарелки и задумчиво глядела в окно.

— Оль, — тихо сказала она, — а девки-то у вас... Хорошеют!

Ольга радостно кивнула — как тут не согласиться? Красивые дочки — загляденье. Ладные, толковые. Ленивые малость — ну, с годами пройдет этот грех. Потому что балованные — все у них есть, всего вдоволь. Не то что в ее юности в деревне. Коровник, огород, резиновые сапоги и грязь по колено — почти круглый год. Не хотела она такой участи для своих девок, не хотела. Вспоминала, как бабы женскими делами мучились — побегай в стужу на двор. Нет, пусть ее девки под горячей водой плещутся.

Вера задумалась:

— А ведь глаз да глаз нужен! Яркие девки, бойкие. Москвички — одно слово.

— Москвички, — согласилась Ольга. — И что плохого? Жизнь только будет полегче. И красивее! Не то что у нас, Вер!

Вера задумчиво подперла голову рукой.

— Наверное. Только Москва эта... Соблазны одни. Как бы не сбились!

— Да с чего? — рассердилась Ольга. — С чего им сбиваться? Учатся, в кружки ходят. Отметки хорошие. Валюха вон по лыжам в районе первая! Не грубят, за хлебом бегают. Что попросишь — помогут, не отказываются. И в семье у нас... Ну, сама знаешь! И Ваня с ними строго, и я поддам, если надо! С чего им сбиваться? Да и нет у нас в родне вроде «сбившихся»!

— А где тебе сбиваться-то было? В Прохоровке твоей? Да там одни старики и алкаши остались. Навоз по колено да картошка мешками. А тут ты сразу за Кутепова выскочила. Время у тебя было на всякие глупости?

— Свиныя всегда грязь найдет — если захочет, — сурово бросила Ольга, — и в селе, и на хуторе. И не в столице тут дело!

— Как раз-то в ней, в столице. Соблазны такие! Куда ни глянь. И мужики разные — не все как твой Ваня. Разные, Оль! Это ты их не видела. А я повидала.

Ольга с удивлением уставилась на подругу.

— И что, не понравилось?

— Да просто выводы сделала — вот и все. Только мне тогда уже двадцать было, а девкам твоим поменьше.

— Это ты к чему? — нахмурила брови Ольга. — К чему разговор этот дурацкий затеяла?

Вера пожала плечами.

— Да ни к чему. Просто вспомнила свою жизнь. Да и на девок твоих залюбовалась. И связала все вместе.

— А ты развяжи! — грубо ответила мягкая Ольга. — Вспоминай свою жизнь про себя. Я вроде не любопытствую.

Вера вздохнула и вышла из кухни, а Ольга еще долго стояла у окна и смотрела на улицу. Пока ее не окликнул удивленный муж:

— Про чай, хозяйюшка, позабыла?

Она мотнула головой, подхватила чайник с заваркой, порезала торт и поспешила к гостям.

На лице улыбка, а в душе... Мутота одна и чернота. Стерва эта Кротова. Стерва. Разве подруги так поступают? Сердце материнское бередают? Да и какие у нее поводы? Завидует просто — вдруг осенило Ольгу. Конечно, завидует! Не все у нее с Кротовым складно, известно всем. И родить никак не может. После пяти абортгов.

А кто, спрашивается, виноват?

На лето поехали в деревню — к Ольгиной родне. Мать была еще в силах, держала и скотину, и большой огород. Валюшка с Маруськой деревню любили — да и бабка их не мучила, жалела. Уезжая, Иван, зять любезный, строго теще наказывал — девкам спуску не давать! Загружать по горло! Чтоб помогали — и за скотиной, и в саду. И в избе прибирались. Только она зятка не стала слушать, отмахнулась — сами разберемся. Пусть девки отоспятся, молочка парного попьют вво-

люшку. В лес по грибы ходят. А с хозяйством она управится — не впервой. И на танцы девок отпускала — а когда гулять, как не по молодости? Когда волюшку потешить? Молодость, она быстро пролетит — не заметишь и за хвост не поймаешь. А там — дети, муж, хозяйство. Бабская доля не из простых, знаем!

Валюшке исполнилось тринадцать. Маруське четырнадцать. И распустились они, точно майские розы. Приехали родители за ними — и ахнули! Еще краше девки стали, еще аппетитнее. Аж глазу больно — так хороши!

Бабка ничего родителям не сказала, как девки без спросу из дома по ночам бегали, как с танцев с кавалерами до утра «провожились». Как дрыхли до полудня. Только подумала, что на следующий год она с ними не сладит — сил не хватит. Напишет потом дочке, что хворает сильно. Пусть с девками в санаторию едут — при отце и матери они не обнаглеют и головы не потеряют. А сейчас главное — чтобы в сохранности их передать. Ну, вроде за этим делом следила — по бельишку ихнему. А сердце все равно замирало — не дай бог что! Не простит ни дочь, ни зять строгий. Ох, да лучше про это не думать — страшно!

А как они съехали — вздохнула. Не по годам ей такие испытания, не по годам. И не по здоровью.

В первый раз Маруська влюбилась в пятнадцать — в школьного математика. Валюшка сестру за это презирала, посмеивалась над ней. Марусь-

ка три месяца отстрадала и позабыла про боро-
датого математика – влюбилась в артиста Юрия
Соломина. Тут сестра уже не смеялась – артист
был немислимой красоты. Только все равно –
смешно в артистов влюбляться. Где ты, и где они!
А Маруська обижалась и твердила, что найдет его
адрес, подкараулит и объяснится в любви. Ну, и
он, конечно, не устоит. И смешливая Маруся сама
начала смеяться: «А кто устоит, спрашивается?
Перед такой-то красотой?» И, поворачиваясь
перед зеркалом, надувая пухлые губы, кокетливо
вопросила: «Свет мой, зеркальце, скажи и всю
правду доложи, я ль на свете всех милее?..» Тут к
зеркалу подбегала Валюшка и, отгаливая сестру,
кричала: «Я! Я на свете всех милее, всех румя-
ней и белее! А ты, – она шуточно толкала сестру
в бок, – а ты, Маруська, всех жирнее, всех про-
тивней и дурнее!» Начинаясь веселая потасовка,
и по комнате летали подушки, любовно собран-
ные бабушкой, роняя легкое деревенское утиное
перо. Все продолжалось, пока мать не заходила в
комнату и строго не приказывала дочкам «прийти
в себя и сесть наконец за уроки, пока отец не вер-
нулся с работы! А то будет вам... на орехи...».

Сердце у Ольги тревожно замирало... Хотя
с чего бы? Растут девки. Взрослеют. И ничего вро-
де не происходит. Нормально все. Пока...

Но почему такая тоска?

Серьезный роман первой завела Валюшка.
С соседом Валеркой Фроловым. Тот только при-
шел из армии – высоченный, здоровый. Бык,

а не мужик. Стояли на лестничной площадке часами — Валерка смолил одну за другой, а Валюшка «присутствовала». Хихикала по-глупому — сама удивлялась, глаза тупила. Валерка рассказывал несмешные армейские анекдоты, травил заезженные байки и делал соседке неловкие комплименты. Перед приходом отца недовольная Ольга загоняла дочь домой — как упрямую корову хворостиной.

Валюшка отвечала:

— Сейчас! — И не трогалась с места.

Любопытная Маруся выглядывала в коридор и показывала сестрице язык, а ночью пыталась ее:

— Ну, как там у вас? Целовались?

Валюшка посылала сестру подальше и в сладких грезах моментально засыпала.

А Валерка ее вскоре бросил — завел роман с парикмахершей Зойкой и сказал Валюшке: «Делать с тобой нечего — сопливая еще! Малолетка».

Валюшка прорыдала недели две, а потом про Валерку забыла — влюбилась в другого.

Маруся же теперь любила артиста Андрея Миронова. Хоть и не такой красавец, как Юрий Соломин, зато «обаяния море!» — так говорила учительница по литературе.

Она даже караулила его у Театра сатиры после спектакля. Однажды повезло — увидела, как он сидел в светлую «Волгу». Элегантный, в бежевых брюках и голубой водолазке. Правда, под руку он держал высокую блондинку на тонюсеньких острых шпильках, с высокой «бабеттой» и огром-

ными, словно приклеенными, мохнатыми ресницами. «Бабетта» громко хихикала и одергивала узкую и короткую синюю юбчонку. Через минуту они, взвизгнув тормозами, мгновенно сорвались с места и укатили — в прекрасную и незнакомую Маруське загадочную жизнь. А она осталась на тротуаре — с раскрытым ртом и глупо хлопающими глазами — жалкая, расстроенная и униженная. И медленно побрела по улице — громко и обиженно всхлипывая.

Словно жизнь показала ей жирную и насмешливую фигу.

* * *

Счастливая и прекрасная жизнь подходит к концу — это Ольга поняла скоро. А вот супруг ее, Иван Иванович, довольно долго пребывал в счастливом неведении. Да и понятно — все, что только возможно, от него тщательно скрывалось. Например, девочки, зайдя в подъезд, тщательно стирали вазелином яркую косметику. Стягивали ажурные колготки и закручивали буйны локоны в стыдливую косу. Сигареты прятались под чугунную батарею на лестничной площадке и тщательно зажевывались лавровым листом. И в дом входили, скромно потупив глаза, тихие и прилежные дочери, просто сама невинность и стыдливость. Отец, как всякий ничего не подозревающий наивный человек (как, впрочем, и большинство счастливо и талантливо одураченных отцов), подвохов не замечал и замечать не собирался. Впрочем, не от лени или небрежности — все